

Научная статья

УДК 179

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-45-56

Проблема оправдания пыток в аналитической этике 1970–1980-х гг.

Иван Иванович Дятлов

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Специализированный учебно-научный центр НГУ
Новосибирск, Россия

i.diatlov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3436-0368>

Аннотация

В статье реконструируется краткий период интенсивных дебатов по вопросам обоснованности и оправданности пыток в начале 1970-х – середине 1980-х гг. Показано, что на возникновение дискуссии о моральности пыток повлияли следующие факторы. Во-первых, впервые сформулированная дилемма «грязных рук», которая в аналитической традиции оказалась важнейшим инструментом анализа соотношения целей / средств. Во-вторых, создание такого теоретического и прикладного направления философских исследований как теория справедливой войны. Хотя и следует признать, что перенос эвристик справедливой войны как способ аргументации в пользу применения пыток оказался мыслительным тупиком, однако он позволил нащупать возможности и ограничения новых теоретических разработок в сфере моральной философии, что всегда является необходимым этапом для реитерации дебатов.

Ключевые слова

Майкл Уолцер, пытки, теория справедливой войны, грязные руки, честная схватка, Генри Шу, меньшее зло

Для цитирования

Дятлов И. И. Проблема оправдания пыток в аналитической этике 1970–1980-х гг. // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 3. С. 45–56. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-45-56

The Problem of Justifying Torture in Analytical Ethics in the 1970s-1980s

Ivan I. Diatlov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

© Дятлов И. И., 2023

Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
i.diatlov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3436-0368>

Abstract

The article reconstructs a brief period of intensive debates on the legitimacy and justification of torture in the early 1970s to the mid-1980s. It is shown that the emergence of the discourse on the morality of torture was influenced by the following factors. Firstly, the formulation of the “dirty hands” dilemma, which in the analytical tradition became a crucial tool for analyzing the relationship between ends and means. Secondly, the establishment of a theoretical and applied field of philosophical research known as the just war theory. Although it should be acknowledged that the transfer of heuristics from the just war theory as a means of argumentation in favor of torture proved to be a philosophical deadlock, it allowed for the exploration of possibilities and limitations of new theoretical developments in the field of moral philosophy, which is always a necessary stage for the reiteration of debates.

Keywords

Michael Walzer, torture, just war theory, dirty hands, fair fight, Henry Shue, lesser evil

For citation

Diatlov I. I. The Problem of Justifying Torture in Analytical Ethics in the 1970s-1980s // *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 3, p. 45–56. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-45-56

В аналитической традиции философских исследований на протяжении 1970–1980-х гг. происходил настоящий бум публикаций по моральной философии, что плодотворно сказалось на дискуссии о ценностях и долженствовании. Затронула эта волна исследовательского интереса и такую чувствительную тему, как пытки. Естественно, что многие идеи и аргументативные цепочки не были созданы *ex nihilo*, что хорошо иллюстрируют работы современных историков философии [Parrish, 2007]. Однако, возникнув в контексте академических споров среди представителей аналитической традиции, старые идеи приобрели новое звучание.

Для нового витка дискуссии об оправданности пыток оказались критически важными следующие события.

1. Уверенный успех различного рода гуманистических платформ и общий фокус внимания на правах человека после ужасов Второй мировой войны. Доктрины, которые разрабатывались теоретиками как гуманистических платформ, так и международных юридических документов, апеллировали к моральному измерению при анализе человеческих поступков и действий, особенно когда речь шла о действиях, которые совершают государства или совершаются от имени государства по отношению к индивидам (насилие, принуждение и пр.).

2. Выход фундаментальной книги Джона Ролза [Ролз, 2010]. Философ выдвигает свою собственную концепцию справедливости (*theory of justice*). Все это приводит к тому, что политические практики вообще и важнейшие политические решения в частности начинают изучаться и дебатироваться в рамках моральной теории, где разрабатываются сложные критерии-ограничения на некоторые классы действий. Хотя сам Ролз не был сторонником какого-то конкретного прикладного проекта, однако он вдохновил исследователей на создание множества

концептуальных схем перераспределения доходов и новый институциональный дизайн экономики (включая, скажем, безусловный базовый доход).

3. Интерес американского философа Майкла Уолцера к этической проблематике, которая последовательно развивалась им на протяжении 1970-х гг. Сперва философ, по существу, переформулировал традиционную дилемму соотношения целей и средств, что получило в аналитической этике название «грязные руки» (*dirty hands*) [Walzer, 1973]. В дальнейшем он ввел эту проблематику в более широкий контекст теории справедливой войны [Walzer, 1977] и даже своей собственной концепции справедливости [Walzer, 1983].

Вышеуказанные факторы сформировали контекст академических споров по вопросам обоснованности и оправданности насилия, прежде всего политического.

Концепция грязных рук и обоснование допустимости пыток

Знаменитый американский философ Майкл Уолцер опубликовал в 1973 году статью с одноименным названием – *Political Action: The Problem of Dirty Hands* [Walzer, 1973], чем возобновил старую и почтенную дискуссию по данному вопросу. Название своей статье Уолцер позаимствовал у пьесы Жан-Поля Сартра «Грязные руки» (в другом переводе – «Грязными руками»), в которой есть следующие знаковые и определившие дальнейшую дискуссию слова коммуниста Хёдерера:

«Вот именно. На сегодняшний день это лучшее средство. (Пауза.) Как ты озабочен своей чистотой, дружок! Как ты боишься запачкать руки! Ну что ж, оставайся незапятнанным. Кому это нужно и зачем ты к нам пришел? Чистота – забота аскета или монаха. Вы, интеллигенты и буржуазные анархисты, пользуетесь ею как предлогом, чтобы бездельничать. Сидеть сложа руки, оставаться неподвижными, прижав локти к туловищу и натянув перчатки. У меня руки грязные. Грязные по локоть. В дерьме и крови. А ты думал, можно руководить и не запачкаться?» [Сартр, 1999, с. 280]

Уолцер утверждает, что любая политическая активность имплицитно подразумевает совершение морально неприемлемых поступков. Любые политические и военные элиты неизменно будут оказываться в ситуации, где им не избежать аморальных действий, включая целенаправленные убийства невинных людей. Классический мысленный эксперимент о пытках, приводимый в статье, следующий.

«Представим себе политика, который воспользовался национальным кризисом (долгой, затяжной колониальной войной) для того, чтобы достичь власти. Он и его верные сторонники заняли кабинет на основе обещаний по деколонизации и обеспечению мира. Они честно хотят и того, и другого, хотя и не без своей выгоды. В любом случае, они не несут ответственность за развязанную войну, они находятся в оппозиции к ней. Политик незамедлительно выдвигается в колониальную столицу, чтобы начать переговоры с повстанцами. Однако выясняется, что в столице развернута целая террористическая повстанческая кампания, и первое, с чем сталкивается политический лидер, это с требованием санкционировать пытки пойманного лидера повстанцев, который знает или **возможно**

(выделено автором. – Д. И.) знает о местонахождении спрятанных бомб в жилых домах по всему городу. Эти бомбы взорвутся в следующие 24 часа. Политик отдает приказ о пытках, убежденный в том, что он должен это сделать, иначе от взрывов погибнет множество людей. Политик принимает это решение, несмотря на свою искреннюю убежденность в неприемлемости пыток, не просто иногда, но всегда. Он демонстрировал данное убеждение часто и агрессивно на протяжении всей избирательной кампании. Все воспринимали это как знак его благонадежности. Как нам следует теперь относиться к нему? (Как ему следует относиться к самому себе?)»¹ [Walzer, 1973, p. 166–167].

Структура данной проблемы (в том виде, в котором ее представил Уолцер) включает в себя как минимум два компонента:

1) оппозицию между абсолютными запретами и «чрезвычайными обстоятельствами» (*emergency circumstances*). Здесь мы сталкиваемся с попыткой преодолеть моральные запреты без отрицания реальности самой моральной дилеммы. Мы знаем, что запрет на пытки и убийства настолько фундаментален, что, даже будучи уверены в правильном поступке (как политик, одоббивший пытки), мы чувствуем моральную вину и глубокую ответственность за принятое решение или совершенный поступок;

2) утилитарную калькуляцию ущерба и последствий, в свете которых фундаментальные моральные ограничения на безнравственные поступки не могут перевесить ужасных обстоятельств, в рамках которых приходится принимать решение. Как об этом упоминает сам Уолцер, пересказывая Макиавелли в краткой и сжатой формуле: «Лес рубят – щепки летят»² [Walzer, 1973, p. 175].

Взгляды Уолцера с течением времени менялись, и описать их эволюцию подробно нет возможности. Отметим лишь несколько наиболее важных моментов.

В статье 1973 года утверждается возможность существования сценария грязных рук в бытовой и приватной сферах. Для Уолцера данная проблема не являлась исключительно политической. Его утверждение заключалось лишь в том, что сценарий грязных рук реализуется наиболее драматичным и разрушительным образом именно в политической сфере, исходя из следующих соображений: а) именно в политике явно и отчетливо задействуется ресурс политизации и мобилизации масс, как правило, при помощи лозунгов деятельного участия и поступков во имя других (соседа, государства, общества); б) в то же время политическая сфера включает собственную логику реализации власти и собственно властные интересы элит, что реализуется как власть над другими; в) реализация власти ни в какой другой сфере человеческого бытия не реализуется так наглядно при помощи силового принуждения и открытого насилия по отношению к тем, от имени которых эта власть осуществляется, как в сфере политической.

Уолцер ужесточил свои критерии допустимости насилия в результате наступления чрезвычайных обстоятельств. Если в ранних работах для совершения глубоко аморального, но правильного поступка требовались лишь экстремальные и экстраординарные обстоятельства (как ситуация с вышеописанным политиком), то в более поздних работах [Walzer, 2004] речь идет об уничтожении целых

¹Перевод мой. – Д. И.

²Приблизительный парафраз лаконичного высказывания «*when the act accuses, the result excuses*».

народов и радикального изменения основ жизни сообществ. Уолцер стал утверждать, что преступить фундаментальные моральные ограничения можно лишь тогда, когда на карту поставлено не меньше, чем вопрос текущей выживаемости сообщества и опасности массового уничтожения.

Заметим также, что многие исследователи сразу разделились во мнениях: кто-то последовал за аргументами раннего Уолцера и стал еще дальше проблематизировать и даже релятивизировать моральные основы политической жизни [Levy, 2007]. Другая часть исследователей вовсе отрицали содержательную сторону проблемы грязных рук [Nielsen, 2007]. Однако общий итог обсуждения дилеммы грязных рук скорее оказался положительным для аналитической этики, что отражается на обилии публикаций по данной проблематике.

Связь теории справедливой войны (*just war theory*) и обоснования пыток

Майкл Уолцер оказался не только в числе тех, кто возобновил дискуссию о соотношении целей/средств, но также признается бесспорным авторитетом в вопросах моральности войны. По существу, его книга является первым и уже классическим образцом построения теории справедливой войны на основе секулярных принципов. И хотя сам Уолцер признает, что опирается на идеи многих своих коллег и пользуется результатами плодотворных дискуссий³, его книга по масштабу замысла и смелым суждениям не уступает фундаментальному труду голландца из далекого XVII века – Гуго Гроцию [Гроций, 1956].

Связь же новой доктрины с аргументацией в пользу применения пыток хотя и не выглядит очевидной, но является закономерным следствием усиленного поиска убедительных доводов. Если ранее приходилось апеллировать к мысленным экспериментам и утилитарным доводам, то теперь оказалось, что формальная рамка теории справедливой войны предлагает новый и серьезный аргумент в защиту пыток. Таким образом, на короткий период времени популярность оправдания пыток оказалась связана с деятельностью тех теоретиков, которые пытались использовать моральное мышление в рамках теории справедливой войны, применяя его к пыткам.

Сторонники пыток используют моральную схему оправдания убийства на войне, пытаясь развернуть это обоснование и в сторону пыток. Философская спекуляция происходит на основе традиции справедливой войны (*just war theory*) [Lauritzen, 2010]. У нас есть ключевая философская предпосылка о том, что живое состояние весомее и ценнее, чем прекращение существования (*non-existence*). Тогда мы делаем дальнейшее утверждение о том, что убийство по определению хуже, чем пытки, поскольку смерть – это навсегда и окончательно, а пытки обеспечивают либо временную дисфункцию, либо постоянную инвалидность. И тем не менее пытка не является прекращением жизни. Следовательно, если существуют обстоятельства, в которых мы способны оправдать убийство (при ведении справедливой войны, например), значит существует некоторый набор обстоятельств, в которых пытки будут морально оправданы.

³Сам Уолцер упоминает Томаса Нагеля, Ричарда Брандта, Ричарда Хэара и Бернарда Уильямса.

Поскольку аргумент о правомерности пыток строится на допущении из теории справедливой войны, то, опуская детали, аргумент можно изобразить следующим образом.

П1: убийство хуже, чем пытки (поскольку убийство является полной, окончательной терминацией процесса функционирования живого существа);

П2: существуют особые обстоятельства, в которых мы допускаем справедливое убийство (в случае справедливой войны, например);

Вывод: следовательно, если допустимо убийство, то допустимо и менее ужасное деяние (пытки).

Несмотря на видимую непротиворечивость такого аргумента, не все согласились с вышеуказанными рассуждениями. Один из самых ранних ответов последовал от американского философа Генри Шу, специализирующегося в сфере международных отношений и конфликтов. Профессор Генри Шу посвятил свою работу [Shue, 1978] критике морального мышления сторонников пыток, вскрывая проблемы такого обоснования. Именно Генри Шу впервые сформулировал строгое деонтологическое ограничение, которое пытки не могут пройти по определению.

Философ полагает, что представленный аргумент можно расписать подробнее, поскольку каждая посылка требует пояснения. Это нужно для того, чтобы понять, где пролегает граница между собственно формальной рамкой теории справедливой войны, и импликациями в сторону пыток. Также это полезно сделать для того, чтобы оголить потенциально слабые места аргументации и увидеть перспективы для конструктивной критики. В своей статье Генри Шу следующим образом реконструирует формальную структуру аргумента (**шаг А**):

1) справедливое убийство на войне является полным физическим уничтожением противника;

2) пытки обычно являются средством по причинению частичной деструкции человека или временной дисфункции;

3) полное физическое уничтожение является большим ужасом, чем частичная деструкция человека;

4) следовательно, справедливое убийство на войне обычно является большим злом, чем применяемые пытки.

Здесь заканчивается линия рассуждений в русле теории справедливой войны и начинаются импликации о моральной оправданности пыток (**шаг Б**):

1) поскольку справедливое убийство на войне является большим злом, чем пытки,

2) и справедливое убийство на войне иногда морально допустимо,

3) следовательно, пытки иногда морально допустимы [Shue, 1978, p. 125–126].

Генри Шу справедливо полагает, что такая реконструкция позволяет лучше понять аргумент и его опорные предпосылки. Он заявляет, что у нас есть все основания сомневаться в представленном аргументе. По большому счету, вся позиция обоснования держится на центральном принципе «если допустим больший урон, то допустим и меньший урон, меньшее зло». Однако требуется больше аргументативных цепочек в обоснование того, почему одно с необходимостью влечет за собой другое. Мы можем утверждать, что «большой урон» проходит через обо-

снование одними критериями, в то время как «меньший урон» должен соответствовать другим критериям.

Сам философ наметил два сценария критики, по одному из которых он предложил свои рассуждения, а другой сценарий оставил в наследство последующим исследователям. Две основных стратегии критики следующие: а) мы атакуем общую методологическую предпосылку о применимости морального мышления в рамках справедливой войны (*just war theory*) и заявляем, что пытка под эту формальную рамку не подходит и не может подойти; б) мы сомневаемся в предпосылке № 3 (пытка лучше, чем смерть) и заявляем, что это просто неверно. На самом деле при определенных обстоятельствах пытки даже хуже и ужаснее, чем убийство.

Критерий честной схватки (*fair fight principle*)

Современная теория справедливой войны состоит из трех больших разделов [Meisels, 2017]. *Jus ad bellum* посвящен обоснованию принципов, позволяющих вступить в войну таким образом, чтобы повод к вступлению в войну был безусловно справедлив. *Jus in bello* предполагает изучение и обоснование принципов, которыми должны руководствоваться стороны в военном конфликте, чтобы их поведение на войне можно было квалифицировать как справедливое. *Jus post bellum* изучает принципы, руководствуясь которыми следует заключать мирные соглашения и выстраивать послевоенный мир.

В 1970-е гг. существенных наработок *jus post bellum* практически не было. Однако теоретические разделы *jus ad bellum* и *jus in bello* были подробно разработаны в книге Майкла Уолцера. Поскольку пытки относятся только к справедливому поведению на войне, то на данном разделе и целесообразно остановиться.

Философ Генри Шу обращает внимание, что понятие «справедливая война» включает в себя строго прописанный кодекс правильного, должного поведения на войне. Именно поэтому мы и называем такое поведение на войне справедливым. Один из самых важных принципов данной теории, *jus in bello* (поведение на войне), предписывает строгое соблюдение нормы на ненасилие для тех категорий населения, которые обладают иммунитетом от нападения. Так, в теории справедливой войны появляется базовое разделение на комбатантов и некомбатантов. Данный принцип предполагает, что воевать должны взрослые, вооруженные, аффилированные к государству либо к военной организации люди, в то время как мирное население не должно вовлекаться в боевые действия, и оно пользуется военным иммунитетом. Стандартный способ различения тех, кого можно убивать, а кого нельзя, заключается в делении на два непересекающихся мира – военных и гражданских лиц. Солдаты в условиях военного конфликта теряют свой иммунитет: они могут быть убиты в любой момент, поскольку каждое нападение воспринимается в качестве самозащиты. Такое восприятие связано с понятием «угрожающая позиция», которую занимают солдаты по определению: они знают, как обращаться с оружием, они имеют к нему доступ и могут применять летальное оружие. Они открыто носят его, обозначая свою «угрожающую позицию». Убийства в военное время квалифицируются как самооборона и не преследуются в судебном порядке. Однако гражданское население не имеет таких навыков, не носит оружия и не представляет «угрожающую позицию».

Все это предполагает минимизацию ненужных разрушений, концентрацию военных операций только на стратегически важных объектах, и общее уважение к достоинству и личности граждан, которые не занимают «угрожающую позицию» (не вооружены). В любой справедливой войне должна быть специальная зона безопасности, где будут находиться люди, которые не способны себя защитить и не обладают ни желанием, ни специальной подготовкой для ведения боевых действий.

По большому счету, принцип *jus in bello* предполагает конструирование условий честной, конкурентной схватки. В свою очередь, честная схватка предполагает такую диспозицию, при которой у каждого есть шанс выжить, убив или взяв в плен своего соперника в бою. У каждой стороны в честной, справедливой схватке есть равный шанс выиграть схватку либо проиграть ее. И хотя мы не всегда можем обеспечить паритет сил, а также равную вероятность как победы, так и проигрыша, тем не менее на войне при боевом столкновении акторы не являются беззащитными и имеют все шансы ответить встречным огнем.

Далее Генри Шу формулирует самую важную моральную интуицию. Почему мы испытываем моральное отвращение, даже когда просто пытаемся подумать о пытках? Мы испытываем моральный ужас перед пытками, потому что пытки не могут удовлетворить даже этому простому критерию честной схватки (*fair fight*). Почему пытка ему не удовлетворяет? Потому что пытка всегда начинается только тогда, когда схватка закончена. Пытают только проигравших. Пытаемый не является человеком, который способен оказать равное или хотя бы какое-либо сопротивление. Теперь он беззащитный. И победитель начинает новую атаку, но уже на беззащитного.

Предложенное различие позволяет нащупать концептуальную разницу между типовой ситуацией вооруженного столкновения и пытками. В случае с пыткой жертва всегда находится в абсолютно беспомощном положении: она не может дать сдачи, защитить себя. Нет никакой возможности противостоять. Палач – это актер, который по определению действует безнаказанно во время проведения пытки.

Соответственно, аналогия с войной не работает по той простой причине, что эвристика справедливого военного конфликта мало чем схожа с типовой ситуацией пыток, а значит перенос принципов из одного контекста в другой оказывается неубедительным и теряет свою первоначальную аргументативную силу.

Феноменология пыток

Философ Генри Шу указал два основных пути критики аргумента: а) критика концептуальной применимости моральных принципов из теории справедливой войны к пыткам и б) критика посылки, согласно которой смерть является меньшим злом, нежели пытки. Если первый сценарий был предложен и обоснован самим Генри Шу, то на второй исследователь лишь указал как на перспективное направление мысли. И хотя этот сюжет уже выходит за рамки обозначенной темы, поскольку переступает хронологические рамки 1970–1980-х гг. XX века, однако было бы некорректно обойти молчанием дальнейшее развитие критики и не охарактеризовать основные критические выпады.

Феноменология пыток нацелена на изучение и описание субъективного опыта переживания пыток индивидом. И хотя это отдельная область исследований, данные феноменологии пыток (по существу, эмпирические свидетельства), можно плодотворно использовать в качестве поддержки либо критики аргументов. Данные феноменологии пыток свидетельствуют как раз об обратном: пытка калечит жизнь, ментальное и физическое здоровье, превращая существование человека в незаживающую травму, которая постоянно напоминает человеку о пережитом экзистенциальном ужасе [Moore, Swanson, 2018].

Столь долгое становление феноменологии пыток также имеет свое объяснение. Во-первых, первые убедительные суждения о пытках на твердой эмпирической базе основывались на мемуарном корпусе переживших пытки и лагеря времен Второй мировой войны. Автобиографический материал накапливался постепенно на протяжении 50–60-х гг. XX века. Во-вторых, должен был появиться соответствующий язык описания, что было невозможно без интереса философии к проблеме соотношения ментального и физического. Философия сознания и интерес к *mind-body*-проблематике выкристаллизовывались на протяжении всех 1970–1980-х гг.

Идея сторонников пыток подразумевала различие между смертью, тотальным и необратимым событием, и пытками, событием может быть и необратимым, но как правило не влекущим за собой смерть. На основе этого различия делался вывод о пытках как об очевидно меньшем зле. По-видимому, сторонники такой идеи полагали, что есть некая объективная граница, которая отделяет невыносимую пытку от пытки вообще. В первом случае воля жертвы преступается и нарушается лишь временно; унижения временны и люди способны пережить свою травму, чтобы жить дальше. Первый случай отдаленно схож с операциями на теле, которые мы переносим и потом восстанавливаемся. Второй случай предполагает, что даже биологически живые люди теряют всякую автономию и дееспособность, как физическую, так и психическую.

Однако спустя десятилетия эмпирических исследований пыток и фиксации опыта переживания пыток при помощи интервью и воспоминаний, стало понятно, что интуиция о пытках как о меньшем зле не подтверждается имеющимися данными. Связь между телом и сознанием сложна, и нет никакой возможности обозначить границу допустимого в пытках, где мы были бы уверены, что травма не будет нанесена. Многие не переживают опыт пыток, ощущают отчуждение своего тела, своей личности. Кто-то глубоко страдает и чувствует себя иным (т.е. человеком, у которого сломана воля к сопротивлению). В конце концов это и есть задача палача – осуществить дизъюнкцию между телом и идентичностью. При пытке человека низводят до уровня физического субстрата, который кричит от боли и молит о пощаде.

Яркий пример – свидетельства Жана Амери [Améry, 1980], австрийского участника движения Сопротивления, который пережил пытки гестапо, но в конце концов все равно покончил с собой. Как он отмечает, только посредством пытки человек превращается в мясо, в сгусток крови, боли и слез. В случае пыток причинение боли не является инструментальной ценностью. Боль причиняется не ради боли. Цель пытки – причинить такое количество боли, которое разру-

шило бы ценностно-нормативный мир индивида, уничтожило бы способность удерживать в фокусе внимания собственную реальность. В данном случае ценностный мир индивида и его собственная реальность – это осознание себя самостоятельным индивидом и личностью. Пытка низводит человека к материальному субстрату, вещи. И пытка – это всегда опыт безнадежной беспомощности, когда палач заставляет почувствовать свою критическую незащищенность и апеллирует к витальному в этих обстоятельствах желанию прекратить пытки и получить помощь (а значит, сотрудничать и сказать все что требуется) [Sussman, 2005].

Следует признать, что, хотя Генри Шу не обладал той обширной эмпирической базой, на основании которой можно смело опровергать тезис о пытках как о меньшем зле по сравнению со смертью, однако его аналитический инструментarium вычленил важное и перспективное направление критики пыток для будущих десятилетий.

Нетрудно заметить, что для философских и этических исследований (прежде всего аналитических) 1970–1980-е гг. оказались крайне плодотворным временем для разработки новых идей и даже целых теорий. В рамках моральной философии активно дебатировались классические нормативные теории (утилитаризм, деонтология, этика добродетели) применительно к новым контекстам (война, терроризм, сепаратизм и т.д.). Нельзя сказать, что философы не говорили о страданиях и насилии с этической точки зрения. Однако в таком масштабе и в систематическом ключе это произошло, пожалуй, впервые.

Не могла эта волна свежих идей не коснуться и проблематики пыток, тем более что пытки достаточно органично встраиваются в другие контексты более масштабных потрясений и дисфункций правового порядка.

Американский философ Майкл Уолцер оказался одним из первых, кто сформулировал классическую проблему соотношения целей/средств именно как моральную и философскую проблему, а не макиавеллевскую необходимость. Проблема «грязных рук» давно переросла узкий контекст пыток и стала мета-проблемой о совместимости политического и этического. Философским сообществом предпринималось огромное количество попыток примирить эти понятия и найти конструктивные решения базовых противоречий.

Майкл Уолцер также предложил взглянуть на проблему насилия шире и сформулировал классический канон теории справедливой войны. И хотя многие положения его изначальной теории или существенно переформулированы, или вовсе отвергнуты, его заслуги в создании теории неопровержимы. В этом смысле проблема «грязных рук» и теория справедливой войны являются важнейшими достижениями этической мысли 1970-х гг. и до сих пор остаются в фокусе активного обсуждения и споров.

Создав же теорию справедливой войны и предложив дилемму о пытках, Майкл Уолцер, возможно сам того не ожидая, предложил новый способ аргументации в пользу пыток. Сторонники теории справедливой войны увидели, что формальную рамку теории и базовые допущения можно транспонировать на проблематику пыток. И хотя сегодня в целом наблюдается конвенция по поводу квалификации такой ветви размышления как тупиковой по отношению к проблематике пыток, тем не менее она характеризовала академические споры на протяжении 1970-х гг. и частично 1980-х гг.

В дальнейшем сторонникам пыток приходилось возвращаться либо на утилитарные позиции, либо на деонтологические, обосновывая допустимость пыток. Новый же виток философских споров о пытках возник на рубеже 1990-х и 2000-х гг. Он был связан как с общим подъемом терроризма, так и с конкретными событиями – взрывом башен-близнецов 11 сентября 2001 г.

Список литературы

- Гроций Г.** О праве войны и мира. М.: Госюриздат, 1956. 868 с.
- Ролз Дж.** Теория справедливости: М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
- Сартр Ж. П.** Грязными руками: Пьесы: М: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999. 431 с.
- Améry J.** Torture // Améry J. At the Mind's Limit. Bloomington: Indiana University Press, 1980. P. 21–40.
- Lauritzen P.** Torture Warrants and Democratic States. Dirty Hands in an Age of Terror // Journal of Religious Ethics. 2010. Vol. 38. № 1. P. 93–112.
- Levy N.** Punishing the Dirty // Politics and Morality. ed. by Igor Primoratz. London: Palgrave Macmillan. 2007. P. 38–53.
- Meisels T.** Contemporary Just War: Theory and Practice. N. Y.: Routledge, 2017. 184 p.
- Nielsen K.** There is No Dilemma of Dirty Hands // Politics and Morality / ed. by Igor Primoratz. L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 20–37.
- Parrish J. M.** Paradoxes of Political Ethics: From Dirty Hands to the Invisible Hand. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 296 p.
- Shue H.** Torture // Philosophy & Public Affairs, 1978. Vol. 7. № 2. P. 124–143.
- Sussman D.** What is Wrong with Torture? // Philosophy & Public Affairs, 2004. Vol. 33. № 1. P. 1–33.
- Swanson E., Moore A. S.** Witnessing Torture Perspectives of Torture Survivors and Human Rights Workers. L.: Palgrave Macmillan, 2018. 288 p.
- Walzer M.** Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy & Public Affairs, 1973. Vol. 2. № 2. P. 160–180.
- Walzer M.** Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y.: Basic Books, 1977. 400 p.
- Walzer M.** Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. N. Y.: Basic Books, 1983. 363 p.
- Walzer M.** Emergency Ethics // Arguing About War. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 33–50.

References

- Améry J.** Torture // Améry J. At the Mind's Limit. Bloomington: Indiana University Press, 1980. P. 21–40.
- Grotius H.** On the Rights on War and Peace. M.: Gosyurizdat, 1956. 868 p. (in Russian)
- Lauritzen P.** Torture Warrants and Democratic States. Dirty Hands in an Age of Terror // Journal of Religious Ethics. 2010. Vol. 38. № 1. P. 93–112.
- Levy N.** Punishing the Dirty // Politics and Morality. ed. by Igor Primoratz. L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 38–53.

- Meisels T.** Contemporary Just War: Theory and Practice. N. Y.: Routledge, 2017. 184 p.
- Nielsen K.** There is No Dilemma of Dirty Hands // Politics and Morality / ed. by Igor Primoratz. L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 20–37.
- Parrish J. M.** Paradoxes of Political Ethics: From Dirty Hands to the Invisible Hand. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 296 p.
- Rawls J.** Theory of Justice. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 536 p. (in Russian)
- Sartre J. P.** Gryaznymi rukami: P'esy [Dirty Hands. Plays]. M.: ООО «Firma "Izdatel'stvo ACT"», 1999. 431 p. (in Russian)
- Shue H.** Torture // Philosophy & Public Affairs. 1978. Vol. 7. № 2. P. 124–143.
- Sussman D.** What is Wrong with Torture? // Philosophy & Public Affairs. 2004. Vol. 33. № 1. P. 1–33.
- Swanson E., Moore A. S.** Witnessing Torture Perspectives of Torture Survivors and Human Rights Workers. L.: Palgrave Macmillan, 2018. 288 p.
- Walzer M.** Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy & Public Affairs. 1973. Vol. 2. № 2. P. 160–180.
- Walzer M.** Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y.: Basic Books, 1977. 400 p.
- Walzer M.** Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. N. Y.: Basic Books, 1983. 363 p.
- Walzer M.** Emergency Ethics // Arguing About War. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 33–50.

Информация об авторе

Дятлов Иван Иванович,

младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН
преподаватель, Специализированный научный центр НГУ

Information about the Author

Ivan I. Diatlov,

Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS
Lecturer, Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 14.08.2023;
одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 14.11.2023
The article was submitted 14.08.2023;
approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 14.11.2023*